

Незапомнившаяся пьеса

Александр Шипицын

Когда Архипыча звали Колей, и учился он в военном училище, у него была девушка. Ну, не совсем была, и, может быть, не у него, а переписывался он со школьной скамьи с девчонкой из Ленинграда. Шел он как-то, еще в девятом классе, мимо ГУМа в Москве, а там они - юные питерцы, на ступеньках галдят. Вот там-то они с Олей и познакомились, минуты две поговорили, а потом года четыре переписывались. Коля как в училище поступил, всему свету письма слал бы, ну, а уж миловидной девушке, сам Бог велел. Оля его в каждом письме в гости приглашала. Питер посмотреть, с родителями познакомиться, а может просто из вежливости. Девочка она была культурная, папа на каком-то заводе инженером работал, радиосхемы чертил, словом никчемный был человек. Но интеллигентный мужик, как и все питерцы.

На третьем курсе, подкопил Коля денег, написал Оле, когда у него отпуск и поехал в Ленинград.

Питер всегда производил на него сильное впечатление. Невский проспект ошеломил множеством людей, заставил разбегаться глаза в разные стороны. Деловая толпа, катящаяся в подземных переходах и в метро, вызывала головокружение, и глаза двигались с такой быстротой, как если бы он пересчитывал вагоны, бешено несущегося поезда. В этом состоянии он пребывал дня два, а затем и сам деловито шагал к голове или хвосту поезда в метро в зависимости от станции, где ему следовало выходить.

Знакомство с Олиными родителями прошло без сложностей, а обед без происшествий. Коля брал вилку в левую руку, нож в правую, выпил рюмку рябины на коньяке, мужественно отказался от второй и почти непринужденно отвечал на вопросы Олиной мамы. После умело выполненной силами потенциальной тещи рекогносцировки, имеющей цель выявление состава, происхождения и имущественного ценза Колиной родни, разговор перешел к культурным ценностям.

- Театр, - внушительно говорил Петр Алексеевич, Олин папа, - театр в Ленинграде, это особое явление. Если вы не были ни на одном представлении ленинградского театра, вы не видели Ленинграда!

- О! Кстати. - Сказала Катерина Сергеевна, Олина мама, - Маша принесла два билета на завтра в.... Она назвала театр неизвестный Коле. - Там идет пьеса..... Опять название, ничего Коле не говорящее. - Наши, с работы, ходили. Говорят потрясающее впечатление, просто потрясающее! Сходите, с Олечкой, на это представление. Коля, - обратилась она к мало искушенному в богемных вопросах курсанту, - чем ты завтра будешь занят?

- Я-то? В Кунсткамеру пойду утром. А потом, потом можно и в театр. Когда начало?

- Э - ээ! Кажется в семь. Да, точно, в семь, - сверилась она по билетам, извлеченным из сумочки. Заезжай за Олечкой к шести. Я уверена, не пожалеешь.

- Я и не сомневаюсь. Но+. А как Оля? Ты - то, завтра свободна?

- Один семинар можно и пропустить, - санкционировал мероприятие Петр Алексеевич. Оля не возражала.

На другой день, Коля, в приподнятом настроении, подходил к Олиному дому. Времени было достаточно и, желая избежать светских разговоров с потенциальной тещей, пока Оля будет собираться, он решил погасить избыток

времени самым рациональным способом - выпив пару кружек прекрасного ленинградского пива. Изобилие и доступность пенной влаги, располагали к мелкому кутежу, погода соответствовала, воробьи скандалили возле крохотной лужицы пролитого пива, а мочивший в кружке седые висячие усы, старичок уже собирался начать, приличествующую моменту, беседу, когда Коля, допивающий вторую кружку, ощутил первые признаки надвигающейся беды.

Кто бывал в Ленинграде в начале семидесятых, а особенно на Московском проспекте, должен помнить полное отсутствие жизненно важных зданий неизвестного архитектора, за короткое пользование которыми, в наши дни, взимают плату. Коля, в еще легком беспокойстве, не отрываясь, поверх кружки, оглядел раскинувшейся перед ним проспект.

Урбанистический пейзаж не сулил ничего хорошего. Строгие ряды, уходящих вдаль, жилых домов и учреждений оставляли мизерную надежду на то, что между ними может оказаться скромное, но сейчас особенно нужное, здание пресловутого архитектора.

До назначенного времени оставалось минут пятнадцать. Почти не надеясь обнаружить искомое, или, хотя бы, неоконченную стройку, а может быть просто гаражный кооператив, где можно было бы избавиться от сыгравшей свою роль влаги, Коля двинулся вдоль проспекта.

Проспект был архитектурно законченным комплексом, где мелким человеческим слабостям места быть не могло. Коля как-то слышал о гнусных личностях, удовлетворявших свои физиологические потребности в подъездах домов или в лифтах, но он скорее дал бы повесить себя на дверях подъезда, чем совершил бы подобное. Внезапно его осенило.

- Учреждения, государственные учреждения! Там всегда есть места общественного пользования!

Но уже первая попытка навсегда отбила охоту обращаться с подобными вопросами в такие места.

Довольно быстро, Коля, к своей радости, завидел синюю табличку. Здание было высотным, и воображение рисовало множество дверей с двумя нулями. Но реальность всегда хуже даже самых бледных фантазий. Вестибюль был перегороден турникетом. И, что хуже всего, вахтером там была молодая женщина.

- Вы к кому, молодой человек? - строго спросила она.

"К Писсуар Унитазычу", чуть не брякнул Коля, но вовремя спохватился и, сделав вид, что ошибся, покинул негостеприимное учреждение.

- Черт знает что! - выдавил сквозь зубы он, - Вот это, влип! Времени не оставалось, пора было идти за Ольгой.

Олины родичи были в сборе. Из дальней комнаты выползла невесть откуда взявшаяся Олина бабушка. Коля ей понравился, и, узнав, что он курсант, пустилась в воспоминания о некоем родственнике бывшим в свое время тоже военным. Правда, вскоре выяснилось, что он не был родственником, а соседом по даче. Военным он тоже не был, хотя форму носил, так как работал проводником на железной дороге. Петр Алексеевич, чтобы скоротать, пока Оля прихорашивалась, время, принес и открыл две бутылки замечательного рижского пива, которое добыть можно было только в Ленинграде, да и то по большому благу, от вида которого у Коли потемнело в глазах. До сих пор он не может понять, что помешало ему воспользоваться туалетом в Олиной квартире. Но он твердо помнил, что даже если бы кто-то из присутствующих догадался

предложить ему это, он бы отказался. Кто может понять молодых и их представления о том, что допустимо в обществе, а что нет?

В театр Коля отправился в том же, если не худшем состоянии. Они с Олей шли по проспекту, и все оглядывались на них. Стройный и высокий Коля старался идти как можно плавней, чтобы не подвергать мочевой пузырь невыносимым толчкам. А миловидная, гибкая Оля, не догадывающаяся о причине его солидности, гордилась им и шла столь же величаво.

Бабушкины воспоминания и проблемы городского транспорта привели к тому, что в театр они попали в тот момент, когда трель третьего звонка уже затихала где-то в отдаленных коридорах. Этот звук убил последнюю надежду на посещение театрального туалета. Навстречу бежала приветливая капельдинерша.

- Быстрее, быстрее, молодые люди. Начинаем! Она схватила Колю за руку и поволокла в зал, сзади спотыкаясь о Колины каблуки, поспешала Ольга. Коля молча покорился судьбе.

Первые пять минут спектакля принесли некоторое облегчение. Удобное мягкое кресло, прохлада и уют зала отвлекли от мучавшей его проблемы. Но вскоре положение стало угрожающим. Он закусил губу, прерывисто дышал, до скрипа стискивал зубы, а один раз даже застонал. Наблюдавшая за развитием спектакля, Оля замечала признаки глубокого душевного волнения, отражающиеся на лице ее спутника.

- "Как он, однако, переживает!", - думала она, - "Как глубоко трогает его игра актеров! Я думала военным этого не понять". Что переживал Коля, мог бы понять человек, которому в мочевой пузырь запустили парочку, игривых ежей. Были моменты, когда ему казалось, что его разрывает изнутри, и он, стиснув зубы, медленно выпускал воздух сквозь них. В эти моменты Оля бросала на него особенно сияющие взгляды. Был момент, когда в его голову пришла дикая мысль, оттянуть штанину и, образовавшееся подобие трубы, попытаться слить под кресло впереди него, проклятые запасы. После он не раз благодарил сам себя за то, что не поддался дьявольскому искушению. Что говорили и о чем пели на сцене артисты, не соприкасалось с его сознанием. Правда, однажды, когда возмутительного вида артист, игриво предложил другому, сумрачному на вид исполнителю: "А не хватить ли нам пивка, для рывка?" Коля сквозь зубы негромко, но внятно произнес:

- Вот подлец!?

- Что ты! - зашептала Оля, - Это положительный герой. Подлеца играет вот тот другой, мрачный. И, несмотря на то, что у мрачного субъекта на сцене была скверная репутация, и то, что он подло обобрал любителя "пивка", уже то, что он отказался пить пиво, вызвало у Коли горячую симпатию. Если бы в этот момент кто-то, стал бы, что ни будь пить, он бы с криком "Спасите!!!" кинулся бы из зала. Не вникая в смысл происходящего на сцене было невозможно определить, когда же наступит конец первого действия. И Коля ориентировался по часам. Минутная стрелка прилипла к циферблату и, только когда он досчитал до ста двадцати, слегка изменила свое положение. Время остановилось. Чугунное ядро, катаясь внизу живота, смяло все впечатления от происходящего на сцене. Смех в зале вызывал раздражение. Закрытие занавеса и аплодисменты Коля воспринял как самое значительное событие современности. Он кинулся прямо по ногам зрителей в проход между креслами. На недоумевающий Олин взгляд, он буркнул: "Сейчас вернусь!" и кинулся вон из зала. Выбежав в фойе, он начал поиски туалета. Это была еще одна ошибка в

цепи ошибок этого дня. Оббежав фойе театра, он, к своему ужасу, сделал невероятное открытие; в этом, театре не было туалета! Теряя сознание, и сгорая от стыда, он спросил у женщины, носящей что-то наподобие театральной униформы:

- Подскажите, пожалуйста, где здесь туалет?

Почтенная леди в униформе театра, надменно, с видом царицы Савской, у которой спросили совета, эпилятором какой фирмы лучше пользоваться для удаления волос на ногах, указала куда-то под лестницу. Подвывая и приплясывая, Коля кинулся в указанном направлении. Действительно, под лестницей находилась маленькая дверь, обозначенная двумя нулями. За ней был короткий коридор с двумя дверями, скромно обозначенными буквами: "М" и "Ж". Презрев, ближе к нему расположенную букву "Ж", несчастный Коля ворвался в заветную дверь. На ходу, расстегивая ширинку, он припал к белоснежному писсуару. Струя, вырвавшаяся из недр его естества, реактивной силой отшатнула его назад. Справившись с отдачей, Коля продолжил процесс освобождения. Трудно сказать, сколько прошло времени, но и первый и второй звонок застигли его за тем же занятием. И лишь на третьем звонке, истекающая струя потеряла свою мощь. Выдавлив последнюю каплю, Коля еще пару минут не менял положения, до конца не веря в то, что он пережил этот трехчасовой кошмар. Убедившись, что выжать больше ничего нельзя, он гуляющей и счастливой походкой вышел в фойе. Полностью игнорируя шипяще подгоняющие приглашения капельдинерш, счастливый Коля направился в театральный буфет.

В буфете он, опасливо поглядывая на мерцающие изумрудом бутылки с пивом, купил дорогие шоколадные конфеты, и, не обращая внимания на негодующее шипение жриц Мельпомены, прямо по ногам возмущенных зрителей прошел на свое место. В ответ на непонимающий взгляд Ольги он торжественно протянул кулек. Сдержанно поблагодарив, она взяла одну конфету.

Что происходило на сцене, Колю не интересовало. Его организм ликовал. Даже, любящий пиво, положительный герой, уже не вызывал раздражения. Впрочем, как и мрачный подлец. Блаженное чувство комфорта заполнило все его существо. Счастливая развязка гармонировала с его настроением, что дало возможность Оле еще раз сделать положительный отзыв о чувствительности ее друга. Как ни пытался Коля, в последствии, вспомнить содержание второго действия, в его воспоминании, оно скрывалось за сладким чувством комфорта и удовольствия. Вспоминать содержание первого действия он не пытался никогда.

Наградив артистов аплодисментами, они с Ольгой вышли в фойе.

- Прекрасная пьеса, - лицемерил он.

- Да, замечательная! - ответила она, и, не отвечая на его удивленный взгляд, спросила, - Где здесь туалет? Очень хочется "по-маленькому".